

A stylized illustration of two buildings in shades of purple and blue. The building on the left is a simple rectangular structure with a slanted top. The building on the right is taller and features a grid of windows and a semi-circular archway at its base. The text 'ДИНА РУБИНА' is overlaid on the upper part of the buildings.

ДИНА РУБИНА

БОЛЬШЕГЛАЗЫЙ ИМПЕРАТОР,
СЕМЕЙСТВО МОРСКИХ КАРАСЕЙ

Монологи

Дина Рубина

**Большеглазый император,
семейство морских карасей**

«ЭКСМО»

1995

Рубина Д. И.

Большеглазый император, семейство морских карасей /
Д. И. Рубина — «Эксмо», 1995 — (Монологи)

ISBN 978-5-04-144036-7

«Омерзителен этот мир, Сеня... Омерзителен... Порой такая тошнота подкатит, особенно из-за своей рожи в зеркале – хоть неделями не брейся... Нет, не хочу я сказать, что ненавижу здесь всех и каждого. Наоборот – отдельно к каждому я вполне прилично отношусь. Но, вместе взятые, они сильно дешевеют. Оптовая продажа...»

ISBN 978-5-04-144036-7

© Рубина Д. И., 1995

© Эксмо, 1995

Дина Рубина

Большеглазый император, семейство морских карасей

© Д. Рубина, 2021

© Стоцкая Ю., оформление переплета, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Семену Гринбергу

Омерзителен этот мир, Сеня. Омерзителен... Порой такая тошнота подкатит, особенно от своей рожи в зеркале – хоть неделями не брейся.

Нет, не хочу я сказать, что ненавижу здесь всех и каждого. Наоборот: отдельно к каждому я вполне прилично отношусь. Но, вместе взятые, они сильно дешевеют. Оптовая продажа.

Меня что особенно бесит – эта их восточная расхлябанность. У них здесь мосты обваливаются и вертолеты с отборными солдатами сталкиваются просто так, от жары, от душевной простоты. Простые они...

Ты видал, как мужики здесь целуются? Не педики, нет, – отцы семейств. Друг друга по щечке треплют. У нас в России, Сеня, кто тебя за щечку мог бы взять? Разве что пятерней да затылком об забор – так ведь то другие обстоятельства, я ж не об этом.

Мне дочь, Иринка, говорит – это в тебе болезненное самолюбие vorochается. А при чем тут самолюбие? Мне здесь обижаться не на кого. Наоборот – я, пока за стариками ходил, знаешь, сколько людей перевидал. Какие характеры, какие судьбы!

Был у меня один такой, безногий, красивый человек. Капитан. Войну закончил в Берлине. Привез овчарку из псарни Геринга. Она по-русски не понимала, так он говорил с ней на идиш. Зигфрид – звали овчарку. Откликалась на идиш. «Гей ци мир, а гитер хинделе». Хороший был человек. И за ним особо ухаживать не требовалось, сам приноровился все делать. Лихо на кресле развезжал, хоть в цирке выступать. Я ему только мыться помогал, потому что намыленному инвалиду трудно из ванны выбираться. А ноги ему не на войне оторвало, это потом, гораздо позже отняли, на почве диабета. Да, отличный мужик был. До последней минуты в своем уме – это, Сеня, дорогого стоит.

Вот после него у меня одна старуха была, милая такая бабка, но с сильно отъехавшей башкой... Так она почет любила. Бывало, притащу ей из супера кошелки с продуктами, а она мне: «Рядовой Корнейчук, сдать вахту, отчитаться за смену». Это она меня Корнейчуком звала. Мой дед Залман Меирович, которого гайдамаки саблями построгали, в гробу переворачивался.

Я у нее посменно – то днем, то ночью дежурил. Днем еще ничего, а ночи тяжелые. Однажды задремал на полчаса, а она с кровати упала, все лицо в кровь расшибла. Сижу я, холодные примочки ей делаю, а она вдруг с таким стоном жалобным: «Почему матросы не приветствуют меня?»

Я от жалости чуть не заплакал, Сеня. Ну, думаю, старость, сучья ты доля... Бросил тряпку в тазик с водой, вытянулся во фронт, честь отдал, да как гаркну: «Матросы краснознаменного Балтийского флота выстроены для приветствия Фани Моисеевны Фишман! Р-ра-а! Р-ра-а! Р-ра-а!..»

И смех, и грех...

Это потом уже, на похоронах, мне ее дочь рассказала: семью у старухи в Виннице немцы расстреляли, пока сама она по комсомольской части какой-то транспорт сопровождала... Да всей семьи-то – мать и годовалая дочка. Ну, и она в партизаны ушла, а потом каким-то образом к действующей армии прибилась и до конца войны благополучно провела, причем то ли стрелком, то ли сапером – какое-то вполне мужское военное дело. Так-то...

Нет, я не жалею. Уход за стариками – дело как дело... Что тяжело: не успеешь к нему привыкнуть, а он – брык, и...

Ничего, я отдохну. Помнишь, как у Чехова: мы отдохнем, мы отдохнем!.. На нарах я отдохну. Мне мой адвокат – какая женщина, Сеня! – тонкая, будто струна, юбкой играет – длинной, цветастой своей цыганистой юбкой; сидит, разговаривает, а сама юбку с боку на бок ворочает, – нам, говорит, самое главное, добиваться штрафа. Только не заключения. Нет уж, говорю, геверэт Зархи, вы, пожалуйста, добивайтесь именно заключения. Отдохнуть охота.

Я... это, Сеня... Водяры приташил... Лежи, лежи, я к медсестре за стаканами сбегаю... Постой, да вот, в тумбочке у тебя одноразовые имеются. Ничего, водка дезинфицирует... Ну, за твоё выздоровление!

...Потом, когда я на иврите стал боле-мене лепетать, меня бросили на местные, что называется, кадры. В общем, как любят говорить в таких случаях евреи, со мной считались.

Вот у меня Моти был, Сеня! Инвалид Армии Оборона Израиля. Пенсию получал агро-матную. Ни в чем не нуждался, но, главное, настоящий мужик. Представь себе – хилый старик, согнутый в дугу артритом. Из-за горба мог только в землю смотреть. Но – отчаянный водила! Пятьдесят лет за рулем. Ему в машину армейские умники такое ортопедическое кресло соорудили. Он как-то ловко укладывал в него свой горб и за рулем сидел как огурчик, прямо смотрел. Весь день по городу носился, и главное – все сам! Он, знаешь, в четырнадцать лет террористом был, в подпольной организации «Лехи». У его отца ювелирная лавка была, через нее-то наши ребята связь осуществляли. А он связной... Да, Моти, Моти... Никаких хлопот с ним не знал. Я ему больше для компании нужен был, ей-богу. Например, он по концертам меня таскал. Такой меломан, что ты! И главное – русскую музыку обожал. Его родители в начале века сюда из России приехали, и он давно уже по-русски забыл. Понимал, правда, кое-что, сам не говорил. Но музыку, особенно русские романсы, без слез – не мог. Помню, потащил он меня на концерт в «Вице». Там девочка, меццо-сопрано, исполняла знаменитую «Калитку». Сама тщедушная, бровки домиком, смотреть не на что, а голосина – густой, волнистый, так и вытягивает душу. Ты хоть помнишь этот романс, Сеня? «А-а-т-ва-а-ри по-тихо-оньку кали-и-тку...» Смотрю, а у моего террориста слеза под носом висит. «Кружева, – поет, – с милых уст отведу...»

Что может быть на свете лучше русского романса, Сеня? А вот тюрьмы, я слышал, здесь получше. Даже радио, говорят, есть. Вот и буду слушать по радио русские романсы...

Другой еще старик у меня был, Марком звали. Я его называл Марко Поло, потому что он из дому сбежал. И вот что любопытно: прекрасно готовил, стол сам сервировал – обалдеешь. Бывало, приду к нему утром, а у него уже к завтраку на две персоны накрыто, да как: тарелочки одна на другой, салфеточки льняные, ножик к вилочке, ложка к ножу... А вот имя свое забывал. Сбежит – ищи-свищи, находили его и в Хайфе, и в Акко. От нацистов убегал, он ведь всю войну в Берген-Бельзене у газовых печей грелся. Выжил, потому что за поляка себя выдавал.

Я с ним должен был с утра до часу сидеть, а в три приходила племянница. На эти два часа у нас с ней уговор был: я его запираю в квартире и ключ в почтовый ящик бросаю. Однажды он таки уговорил меня не запираю его. Толково так, убедительно объяснял. Я и думаю: действи-

тельно, что ж я такого разумного человека, как зверя в клетке, держу! Ты уже понял, Сеня, что он смылся, как только я за угол дома завернул?

Нашли его дня через два – вон где! – в Кацрине, на Голанах. Так что с работы меня выгнали...

Но нет худа без добра. Я за эти два месяца тьму картинок написал: пейзажей, этюдов. В религиозном районе Меа-Шеарим, в Иерусалиме, – там очень живописно. Приезжал с утра на автобусе, расставлял этюдник... Вот их ругают все, ультраортодоксов. Да, там забавные такие людишки шастают: мужики в лапсердаках и с пейсами, бабы в париках и чулках, в самую жарынь... Но, знаешь, Сеня, очень доброжелательно там ко мне относились. Подходили, заглядывали в этюдник, языками цокали... Однажды стою я так, пишу пейзаж. Подходит ко мне пацан лет десяти, с пейсами, в черной ермолке, все как положено. Спрашивает:

– Ты что рисуешь?

– Да вон, видишь, – говорю, – дом тот, и дерево, и синагогу.

– А сколько будет стоить твоя картина?

– Ну... если хорошо выйдет, много будет стоить, если плохо получится – то нисколько.

Проходит час, полтора... Стою, работаю. Вдруг случайно обернулся – а пацан так и сидит за моей спиной на спиленном бревне. Я удивился:

– Ты чего сидишь?

Он отвечает:

– Жду. Если картина твоя плохо выйдет, ты мне ее отдашь...

Дай-ка я тебе чуток налью... Да почему – нет-то, почему – нет? Больничными порядками это не запрещено, да? Ну вот, на доньшко плесну... погоди, я тебе поближе поставлю... Тебе ж не с руки, загипсованному... Будь здоров, Сеня!

А потом я устроился в еще одну фирму по уходу за стариками. Ее один наш держал. Страшная сволочь! Настоящий кровопийца. Я его звал Петр Кишиневич. Он вообще-то был крупный специалист по замораживанию овечьей спермы... Чего ты ржешь, Сеня? Между прочим, довольно редкая специальность. Потом он эмигрировал в Новую Зеландию и, по слухам, чудовищно там разбогател, хотя, надо отдать ему справедливость, и тут не голодал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.